

ЮЖНЫЙ КРАЙ

ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНИЕ

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ

№ 160

ХАРЬКОВЪ, ЧЕТВЕРГЪ 18 (30) ЮНЯ 1881 года.

ГОДЪ I.

Редакторъ А. Н. Стояновъ

Редакция газеты помещается въ г. Харьковѣ, въ Петровскомъ переулкѣ, № 1; для личныхъ объясненій по дѣламъ газеты открыта ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 2 до 3 часовъ дня. Статьи, доставляемыя безъ означенія имени, принимаются безвѣстно; Статьи и корреспонденціи, присылаемыя въ редакцію, должны быть за подписью и съ адресомъ автора.

Издатель А. А. Иосифовичъ.

Главная контора газеты въ Харьковѣ, на Московской улицѣ, въ домѣ Императорскаго Университета, № 7, при „Публичной Библиотецѣ“ Александра Александровича Иосифовича, принимаетъ подписку и объявленія; открыта въ будни отъ 8 часовъ утра до 7 часовъ вечера, а въ воскресенье и праздничные дни отъ 11 до 4 часовъ дня.

ОТДѢЛЬНЫЕ ЛАМ „ЮЖНАГО КРАЯ“ ПРОДАЮТСЯ по 6 К.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“, 1881 ГОДА.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
Городъ, безъ доставки	10	10	10	9	8	7	6	5	4	3	2	1
Городъ съ доставкой	12	11	10	9	8	7	6	5	4	3	2	1
Изгородья	12	11	10	9	8	7	6	5	4	3	2	1

Допускается разсрочка въ платежѣ за годовую экземпляръ по соглашенію съ главной конторой газеты.

Подписываться можно на все сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца; на каждый срокъ простирается не далѣе нѣтъ до конца 1881 г.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ главной конторѣ редакціи газеты въ г. Харьковѣ, на Московской ул., въ д. Императорскаго Харьковского Университета, № 7, при „Публичной Библиотецѣ“ А. А. Иосифовича; ТАМЪ ЖЕ принимаются ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Кромѣ того, подписка принимается въ 6-Петербургѣ въ книжныхъ магазинахъ Н. Г. Мартынова и „Новое Время“; въ Москвѣ въ книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова; въ Кіевѣ въ книжномъ магазинѣ Е. А. Федорова; въ Одессѣ въ книжномъ магазинѣ В. И. Биланго; въ Полтавѣ въ книжномъ магазинѣ „И. И. Войно-Родзинки“ и въ Кременчугѣ, у купца И. Ф. Замбербера.

ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ: изъ Франціи исключительно въ Парижѣ у Навас, Lafite et Co, 8 Place de la Bourse; въ Москвѣ въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ языковъ, на Петровск. домъ Солодовникова; въ Петербургѣ въ той же конторѣ на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Струбинскаго и въ Варшавѣ въ варшавскомъ агентствѣ объявленій Рейхманъ и Френдлеръ на Сенаторской улицѣ, въ домѣ № 22.

Отъ харьковского желѣзнодорожнаго училища

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Испытаніе желающихъ поступить въ харьковское техническое желѣзнодорожное училище въ 1881/82 академическомъ году будетъ производиться съ 7 по 15 августа сего 1881 года по программамъ, утвержденнымъ министерствомъ для техническихъ желѣзнодорожныхъ училищъ. Прошенія о приемѣ подаются на простой бумагѣ, на имя начальника училища, при которомъ должны быть приложены слѣдующіе документы: а) метрическое свидѣтельство; б) свидѣтельство о личности; в) свидѣтельство о призывѣ общ. и д) свидѣтельство объ окончаніи курса, если желающій поступитъ таковой окончивъ, если же нѣтъ, то въ прошеніи указать, гдѣ обучался. Приемъ прошеній съ 15 іюня по 1 августа въ зданіи училища съ 9 до 11 часовъ утра ежедневно.

Начальникъ училища Мордовскій.

ХАРЬКОВСКИЙ ТОРГОВЫЙ БАНКЪ.

(основанъ въ 1868 г.)

Благодѣльный капиталъ 1,000,000 р. — п.

Запасный капиталъ 209,140 „ 28 „

УПЛАЧИВАЕТСЯ ПО ВЛАДАМЪ:

По востребованію 5%

По сроку до 1 года 5 1/2%

По сроку до 2 летъ 6%

По текущимъ счетамъ 4%

Выдаетъ ссуды подъ залогъ дѣльныхъ бумагъ и товаровъ.

Учитываетъ векселя.

Переводитъ въ разные города Имперіи денежные суммы.

Принимаетъ на комиссію для полученія векселей, писанныхъ на русскую или иностранную валюту.

Исполняетъ порученія по покупкѣ и продажѣ разнаго рода дѣльныхъ бумагъ, преимущественно же: государственныхъ, гарантированныхъ правительствомъ и заводскихъ и лѣсныхъ мѣстныхъ земельнымъ банкомъ.

Адресъ телеграфомъ и почтою: Харьковъ, Торговый Банкъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Харьковъ, 17-го іюня 1881 года.

Состояніе земства въ суджанскомъ уездѣ.

Мѣстная хроника: Городская дума. — Изъ городской жизни.

Телеграммы: отъ „Международнаго телеграфнаго агентства“.

Послѣднія вѣстия.

Внутреннія вѣстия: Корреспонденція „Южнаго Края“ изъ Полтавы и Курска. — Вѣстия изъ г. Харькова.

Обозрѣніе газетъ и журналовъ.

Женскіе идеалы Мицкевича.

(Окончаніе).

Переходимъ, наконецъ, къ четвертой и послѣдней идеальной любви поэта, любви сильной, дѣйствительной, поэзіи моего гениальнаго произведенія. Въ то время, когда Адамъ, распрощавшись съ Ракелю, уѣхалъ изъ Венеціи и приближался къ Риму, древней столицѣ христіанскаго міра, ожидала его, тамъ, многие съ трепещущимъ сердцемъ, хотя ничего онъ объ этомъ не зналъ.

Въ Римѣ въ то время проживало семейство польскаго магната графа Анкивича, состоявшее изъ отца, матери, молодой дочери Эвуніи и племянницы г-жи Анкивичъ, Марцелины. Леопольдъ Анкивичъ былъ очень богатъ, владѣвшій большими помѣстьями въ Галиціи. Въ Италію они уѣхали вслѣдствіе слабого здоровья Эвуніи, и обзавелись уже многія мѣста, и въ 1828 году, изъ Ливорно прибыли на время въ Римъ. Вотъ какъ описываетъ авторъ личность Эвуніи, идеала поэта: „Это была дѣвица необыкновеннаго ума, хотя воспитанная небрежно, вслѣдствіе

болѣзни. Только въ Римѣ, на развалинахъ стараго свѣта, когда ея здоровье улучшилось, съ жаромъ предавалась она наукамъ, желая наверстать потерянное время. Оцѣнивъ ея, человѣкъ образованный, съ извѣстнымъ расположеніемъ къ археологіи, повліялъ на дочь такъ, что и она предалась ей, а для этого предмета большой матеріалъ доставляли Римъ и вообще Италия. Брала она уроки у знаменитаго археолога Висконти“. Знала она кромѣ того много другихъ вещей, могла даже считаться ученою, не доставало ей только одного, а именно знанія литературы и языка польскаго, она даже говорила плохо по-польски. Ей было тогда всего 16 лѣтъ. Не была она красавицей, но въ высшей степени привлекательна и плѣняла своей идеальной очаровательностью. Маленькая, взъерзавъ съ блѣднымъ, какъ лилія, лицомъ, съ волосами темнопепельными, съ голубыми глазами, блестящими умомъ, она могла произвести сильное впечатлѣніе. Адамъ говорилъ, что она походилла на дрезденскую Магдалину Корреджіо. Одаренная необыкновенной памятью, впечатлительная, съ быстрымъ умомъ, быстро развивалась она въ вре-

мя этого путешествія подъ лазурнымъ небомъ и на классической землѣ Италіи. Во всякомъ случаѣ это была выдающаяся личность особенно въ то время и въ тѣхъ сферахъ общества, въ которыхъ она принадлежала по богатству и по происхожденію.

Весной 1829 года, Анкивичъ переехалъ изъ Рима въ Неаполь, гдѣ впервые узнали о существованіи Мицкевича и о его твореніяхъ, благодаря письму одной изъ знакомыхъ Анкивичъ, которая собственноручно переписала нѣсколько балладъ и сонетовъ и при слала ихъ Анкивичамъ. Мадамъ Анкивичъ, сентиментальная, но образованная, восхищалась этими произведеніями, Эвунія вполнѣ раздѣляла восхищеніе матери, и оно еще болѣе увеличилось, когда учоный полякъ Стржежелецкій, проживавшій въ то время въ Неаполѣ, далъ имъ единственныя, бывшій у него, томъ твореній Мицкевича. Осенью Анкивичъ вернулся въ Римъ, въ скоромъ времени пріѣхалъ туда и Стржежелецкій, привезшій съ собою „Валленрода“, и „Дѣда“, два гениальнѣйшія произведенія Адама, а вмѣстѣ съ тѣмъ вѣстие, что самъ онъ пріѣдетъ въ Римъ. Эвунія

стество, если даже не враждебно — къ поддержанію частной инициативы въ дѣлѣ насажденія народныхъ школъ, а выхвѣ съ тѣмъ и распространенія народнаго образованія.

Дѣйствительно, ежегодный бюджетъ доходовъ нашихъ городовъ не великъ; его едва хватаетъ на ч. освѣщеніе и моченіе. Но почему же не принять мѣръ къ развитію частной инициативы въ этомъ дѣлѣ? Почему не изыскать мѣръ и способовъ къ привлеченію дѣятельности частныхъ лицъ на пользу дѣла народнаго образованія, даровать такимъ лицамъ извѣстныя льготы и преимущества? Отчего бы даже не оказать имъ какое-либо пособіе? Неужели недригайловское общественное управленіе обидѣло бы, удѣливъ изъ средствъ 100 или 50 р. на пособіе тѣмъ лицамъ, которыя стали бы ходатайствовать объ открытіи школы? Очевидно, нѣтъ. Главнымъ препятствіемъ къ такому рѣшенію, по нашему мнѣнію, послужила бы боязнь осужденія городского кармана, но отсутствіе сознанія и, помыслъ образованія вообще и для дѣтвей въ особенности. Среди нашего общества донынѣ еще господствуетъ предразсудокъ, что образованіе женщинъ есть дѣло роскоши и не вызывается насущною потребностью жизни; — женщина должна быть хозяйкою и матерью — вотъ ея задача, вотъ ея жизненный путь. Какое заблужденіе! Неужели женщина можетъ быть матерью и полезною воспитательницею своихъ дѣтей, когда она сама вполнѣ нежизнеспособна, когда она не имѣетъ никакихъ познаній ни объ особенностяхъ дѣтвей, ни о правильномъ и разумномъ за ними уходѣ. Можетъ ли женщина достойно выполнить свое назначеніе, которое требуетъ отъ нее даже недригайловское общество, — воспитать физически крѣпкихъ и душевно сильныхъ дѣтей, будущихъ дѣателей на пользу всей страны, всего общества, когда она будетъ лишена даже элементарныхъ свѣдѣній о жизни природы, людей и всего того, что ее окружаетъ? Конечно, нѣтъ. Тѣмъ не менѣе предразсудокъ среди массы населенія слишкомъ еще силенъ: въ глазахъ сложившагося и переходящаго изъ поколѣній въ поколѣнія, донынѣ онъ остается сильнымъ тормозомъ въ дѣлѣ женскаго образованія нашей страны и борьба противъ него единичныхъ лицъ можетъ принести пользу лишь очень медленно, чрезъ много лѣтъ, — капля воды, постоянно ударяя въ камень, можетъ вызвать глубокую дыру!

Во имя такого простаго соображенія, практически вѣрнаго, задача прессы и всѣхъ честныхъ людей страны — поддержать всѣми силами увеличеніе народныхъ школъ путемъ частной инициативы. Дѣятельность такихъ лицъ рано или поздно, но пробудитъ среди массы населенія сознаніе пользы и необходимости женскаго образованія въ томъ же размѣрѣ и объемѣ, какими пользуются въ настоящее время тѣ лица, которыя имѣютъ право засѣдать въ восторгъ: продолженіи трехъ дней зурить она наизусть, Дѣда, въ недѣлю изучаетъ „Валленрода“, мечтаетъ только о поэтѣ и съ трепетомъ ожидаетъ его пріѣзда. Наконецъ, 17-го ноября, Адамъ съ неразлучнымъ своимъ спутникомъ, Одицекомъ, пріѣхалъ въ Римъ. Хотя они знали, что Анкивичъ живетъ въ Римѣ, но все же собрались идти къ нему; случай свелъ ихъ съ графомъ Анкивичъ у князя Гагарина. Это было 29 ноября, 1829 года. Анкивичъ принималъ у себя много европейскихъ знаменитостей, а для соотечей, для поляковъ, домъ его постоянно былъ открытъ. На слѣдующій день въ Анкивичамъ помогло только Одицеко, и, возвратившись домой, рассказали Адаму о своемъ визитѣ, замѣтивъ, что Эвунія сильно похожа на Марію Верещану. Это послѣднее обстоятельство и заставило поэта отправиться въ Анкивичамъ. Эвунія, Марцелина и даже сама мадамъ Анкивичъ смотрѣли на Мицкевича, какъ на полубога; Эвунія такъ растерялась, что продолженіе перваго визита не въ состояніи была промолвить слова, однако не сводила глазъ съ Адама. На слѣдующій день Анкивичъ отдалъ визитъ по-

въ думѣ и съ высоты своего олимпійскаго величія отказывать въ образованіи своимъ дочерямъ, будущимъ матерямъ ихъ внуковъ и правнуковъ! Въ добрый путь, честные труженики, на пользу народнаго образованія!

Состояніе земства въ суджанскомъ уездѣ курской губернии.

Грустно, надо сознаться, что земство, за 13-лѣтнюю свою дѣятельность, не только не успѣло завоевать у насъ симпатіи болѣе части населенія, но даже не объяснило болѣе болѣе, для чего оно существуетъ и на какой конецъ оно призвано? Масса крестьянъ смотритъ на земство, какъ на барскую затѣю ради потѣхи.

Но какая же причина такого грустнаго положенія земства? Неужели недостатокъ земскихъ учрежденій коренится въ нихъ самихъ? Или тому причиной является нѣчто внѣшнее, ничего общаго съ земствомъ не имѣющее? Кто врагъ его и гдѣ онъ?

Чтобы отвѣтить на всѣ эти вопросы, обратимся къ самымъ земскимъ учрежденіямъ и посмотримъ, при какихъ условіяхъ они были введены и дѣйствовали до настоящаго времени. Можетъ быть, намъ удастся тогда найти ихъ неуловимый врагъ.

Въ 1861 году послѣдовало, давно всѣми образованными людьми ожидаемое, освобожденіе крестьянъ. Ровно чрезъ шесть лѣтъ послѣ этого, введенныя земскія учрежденія, въ то время какъ еще никто не успѣлъ опомниться отъ уничтоженія крѣпостнаго права. Дворянство, пошатнувшееся въ своемъ благосостояніи, не успѣло еще отбѣжиться отъ барскихъ замашекъ и, естественно, не могло себя причислить не только жертвою собою на пользу общую, но даже трудиться съ этой дѣлю. Крестьяне, люди безграмотные, забытые, весь вѣкъ не имѣвшіе за собою кромѣ своей души, ровно ничего (да и за ту душу они платили и платятъ), крестьяне, превращенные разомъ въ хозяева съ землею и съ огромными платежами, еле успѣвали справиться съ своимъ новымъ положеніемъ. Имъ въ пору было думать только о поддержаніи своего собственнаго хозяйства, а тутъ, чрезъ шесть лѣтъ, ихъ призываютъ разсуждать о хозяйствѣ общаго уѣзда. Ясно, что это новое дѣло было встрѣчено обоими сторонами не особенно дружелюбно. Крестьяне, по обыкновенію, отнеслись къ нему совершенно пассивно, протестуя лишь втихомолку за лишніе платежи. Крупное дворянство отнеслось къ земству совершенно съ такимъ же равнодушіемъ и за платежи тоже было недовольно. Такимъ образомъ земство пошло въ руки мелкихъ и среднихъ дворянчиковъ, почти безграмотныхъ, оставшихъ военныхъ „временъ Очакова и покоренія Крыма“. Судите сами, что изъ этого вышло. Люди, шесть лѣтъ тому назадъ обираемые до гола своихъ крѣпостныхъ, должны были заботиться о народномъ продовольствіи! Люди, за-

паривавшіе своихъ крестьянъ до смерти, должны были заботиться о народномъ здравіи! Люди, мѣшавшіе людей на собакъ, отнимавшіе невестъ у жениховъ, едва умѣющие подписать свою фамилію, должны были заботиться о народномъ образованіи! Люди, привыкшіе къ праздной жизни съ колѣбелю, должны были сдѣлаться тружениками: встать, хлопотать, работать и представлять отчетъ въ своихъ дѣлѣхъ! Надо было переродиться, забыть всѣ традиціи и даже собственныя привычки. Послѣднее было не только трудно, но совершенно невозможно. Новое дѣло требовало новыхъ людей, а ихъ то и не было. Они стали лишь теперь кое-гдѣ появляться, и гдѣ они являются, тамъ земство и начинаетъ восходить на ту ступень, на которой оно и должно стоять. Не понимая ни духа, ни смысла земскихъ учрежденій, первые дѣатели свели общее дѣло на личную похву и старались объ одномъ только, чтобы выбрать дираму изъ сохи.

И какъ только выборы кончались, половина земскаго собранія сейчасъ же разбѣжалась по домамъ, торопясь подписать и утвердить все, не читая. Выбранная управа также очень мало заботилась о пользахъ и нуждахъ земства, а всеобща предалась составленію для будущихъ выборовъ болѣе болѣе, содержащихъ пункты лопатей и проч. Мелкіе но крикливые, дворянчики, выступили разными смотрителями и даже подражниками не бывавшихъ сооруже- ній; дворня болѣе крупные, выбирались почетными и участковыми, судьями; крестьяне же просто спаливали водкой. Въ этихъ заботахъ управа проводила все трѣхлѣтнее, а какъ видите, ихъ было не мало. Слѣдовательно, на исполненіе его прямыхъ своихъ обязанностей времени и не хватало. Напримѣръ, намъ извѣстенъ такой фактъ изъ дѣйствій старыхъ управъ. Крестьяне обратились въ управу съ просьбой о выдачѣ имъ хлѣба изъ запаснаго магазина. Управа командировала одного изъ своихъ членовъ убѣдиться: дѣйствительно ли крестьянамъ необходимо просимый ими хлѣбъ. Командированный членъ несомнѣнно извѣдывалъ въ деревню, а отбѣдилъ лишь въ журналѣ: „Видѣлъ де въ деревню N и узналъ, что крестьяне въ хлѣбѣ не нуждаются“. Я думаю и одного такого факта достаточно, онъ говоритъ самъ за себя. Какъ вѣра безъ дѣлъ мертва, такъ и дѣло безъ людей мертво. Что могло представлять изъ себя самое самоуправленіе при такихъ дѣтеляхъ? Оно составляло лишь злорадство чиновниковъ и пользовалось почти прерывіемъ со стороны высшей администраціи. Да и могло ли быть иначе? Можно ли отнестись съ уваженіемъ къ общественному учрежденію, гдѣ все основано на личныхъ отношеніяхъ Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича? Гдѣ нѣтъ уваженій, а есть одніи личные сим-

патіи, къ Анкивичамъ. Мадамъ Анкивичъ встрѣтила его такими словами: „знаете ли, какой сонъ видѣла сегодня Эвуня? Снилось ей, что ты пріѣхалъ къ намъ и принесли съ собою прелестнаго барашка, бѣлаго, какъ молоко, на розовой лентѣ. Мицкевичъ побѣдѣлъ и воскликнулъ: „это пророчество, потому что я сегодня пріобщался съ тѣмъ“. Съ этого времени, любовь между Эвуней и Адамомъ стала для всѣхъ дѣломъ очевиднымъ. Адамъ былъ постояннымъ гостемъ у Анкивичъ; вѣздъ вмѣстѣ съ ними на балы, маскарады, вмѣстѣ посѣщали музеи, развалины, церкви; дома же Мицкевичъ училъ свою возлюбленную польской литературѣ, читалъ ей польскія книги и совѣтовалъ дѣлать выписки изъ прочитаннаго. Казалось, все предсказывало великолѣпную будущность и исполненіе сердечныхъ желаній Эвуніи и поэта. Графиня говорила неоднократно, что „богатство на столько можетъ придать счастья женщинамъ, на сколько оно представляетъ сердцу свободу выбора“. Анкивичъ самъ часто смѣялся надъ глупостями внуковъ, гордящихся заслугами предковъ. Но на

